

ПУШКИН И ОБРАТИВШИЕСЯ К ВЕРЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ
ПОЭТЫ-СОВРЕМЕННОКИ

Тибор Бароти
/Сегед/

Вслед за "открытием окна" Петром Первым в Европу в начале XVIII-го столетия обнаруживается повышенный интерес со стороны русских писателей, поэтов, деятелей культуры к разным национальным культурам Европы, в том числе и итальянской культуре и литературе¹. Такая тенденция продолжается и в эпоху становления великой русской литературы, т.е. в начале XIX века. Интерес мыслящих людей русского общества подтверждается общими, подтверждающими как никогда духовное единство Европы историческими событиями общеевропейского значения: войнами и завоеваниями Наполеона и вслед за его свержением и созданием "Священного союза" общеевропейской тенденцией реставрации.

В 1804 г. Наполеон провозгласил "итальянское королевство", а в 1814 г. венский конгресс постановил отдать Австрии большую часть Италии. Французское господство в Северной Италии сменилось господством австрийским. Согласно постановлениям венского конгресса, Ломбардию, Венецию и Тоскану отдали Австрии, Пьемонт - Виктору Эммануилу, Неаполь - Фердинанду Первому. На всем полуострове снова установился абсолютизм, и вцарилась на 16 лет тишина, нарушенная лишь революцией 1820--21 годов, неудачный исход которой еще более понизил настроение итальянской интеллигенции. Революция 1820--21 годов представляла собой восстание корбонариев, организовавшихся тайно уже с 1808 года. В движении корбонариев участвовал, как известно, английский поэт-романтик Байрон. Среди итальянских поэтов в этом движении участвовали поэт-импровизатор Габриэль Россети /южная, неаполитанская организация/, а также Джованни Бершэ, связанный с северным, пьемонтским движением.

Что касается вышеотмеченных исторических событий, связан-

ных с движением карбонариев, то они непременно вызывают в памяти возникшие несколько позднее, в начале 1820-х годов аналогичные /южные и северные/ организации декабристского движения, а также происшедшее в результате крушения карбонарского и испанского восстаний и опережавшее на несколько лет крушение собственных, декабристских революционных надежд известное разочарование Пушкина в возможности и целесообразности подобных революционных движений и выступлений. Пушкинское разочарование выражается, между прочим, в стихотворениях "Кто волны вас остановил" и "Свободы сеятель пустынный" 1823 года. Разочарование Пушкина не означает, однако, отказа от своих прежних идеалов свободы, а представляет собой переосмысление своего подхода к незыблемому идеалу, к которому он в дальнейшем относится с более возвышенных и очищенных внутренних позиций: акцент с иллюзии внешней осуществимости идеала свободы переносится на ее внутреннее, творческое постижение.

Подытоживая свой творческий путь в стихотворении "Памятник" 1836 года, свободолюбие, выраженное во всем своем творчестве, Пушкин не случайно связывает с "милостью" и с "чувствами добрыми":

"И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал."

"Свобода" в данной цитате, как в целостном стихотворении и вообще творчестве Пушкина, обозначает прежде всего творческую свободу. Такая мысль выражается и в стихотворении того же 1836 года "Из Пиндемонти", представляющем собой одно из загадочного т. наз. "каменноостровского цикла":

... "Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа -
Не все ли нам равно? Бог с ними. Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;

По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам..." и т.п.

На примере поэтического отношения Пушкина к Пиндемонте, итальянскому поэту-современнику /1753--1828/ можно рассмотреть одну сторону его отношений к т. наз. "поэтам-обращенцам". Ипполито Пиндемонте нельзя считать "обращенцем" в настоящем, религиозном смысле, как например, Сильвио Пеллико или Алессандро Манцони. И, Пиндемонте, представителя итальянского сентиментализма, большого знатока и поклонника английских лириков Томсона, Макферсона-Оссиана, Грея и Блера можно назвать только политическим "обращенцем", во взглядах и поступках близким к пушкинским идеалам. Во время падения Бастилии он, находясь в Париже, с восхищением встретил разрушение крепости деспотизма, а впоследствии в поэме "Франция" приветствовал сближение короля с народом. Когда же на сцену выступили якобинцы, он отшатнулся от Парижа и в ряде сонетов оплакивал казненных короля и королеву. Такое поведение итальянского поэта не могло не нравиться Пушкину, посвятившему французскому поэту Андрею Шенье за аналогичное мужество и человеческое величие длинное стихотворение в 1825 году. И в трагедии И. Пиндемонте "Арминий" выражается близкая к Пушкину мысль, выраженная русским поэтом в ряде стихотворений, в том числе и в раннем стихотворении "Вольность" /1817/ и в вышеупомянутом "Андрей Шенье" /1825/. В трагедии И. Пиндемонте хор поет: после тирании над страной снова загорается заря свободы. Но будет ее сияние непродолжительным, если ты, отчизна, не будешь идти по пути правды. Со словами хора перекликается последняя строка лицейской оды Пушкина "Лицинию" /1815/: "Свободой Рим возрос, а рабством погублен". После своей трагедии Пиндемонте уже не занимается политическими темами, потому что, как он это излагает в одной из своих морализующих поэм, форма правления вообще не оказывает влияния на судьбу и счастье людей. Самыми известными произведениями И. Пиндемонте являются его "Сельские песни" /"Poësie campestri"/, где он воспеваает поля и нивы, которые ему милее

городского шума. Его муза - "кроткая" нимфа, "меланхолия"; кто не умеет ценить ее даруемых радостей, тот не рожден для истинного счастья.

Пушкин только отчасти аналогичен Пиндемонте. Образно говоря, где заканчивается стихотворение "Из Пиндемонти", - там уже обнаруживается настоящий Пушкин, отстаивавший творческую независимость, творящий из свободного вдохновения, но слепо послушный высоким, требовательным повелениям вдохновения, музы, совести. Примером этого может служить стихотворение 1819 года "Деревня", где в аналогичных с "Сельскими песнями" Пиндемонте условиях полей и нив пушкинский лирический герой приобретает вдохновение, и, следуя свободному вдохновению, в отличие от Пиндемонте, настраивается на злободневную, острую политическую тему, от которой итальянский поэт отказывается. И здесь нельзя не отметить следующее, вытекающее в конечном счете из всего вышесказанного: после упомянутых исторических и социальных потрясений эпохи /Наполеон, восстания, подавление восстаний/ Пушкин лучшей формой государственности и правления считает конституционную монархию, где высшее место принадлежит обязывающему всех закону. Закон - гарантия равенства и свободы, но и он не является высшей инстанцией. Высшая инстанция и требование для Пушкина - это милость, милосердие, смирение и человечность, - которые, как духовные качества, могут смягчить механистически-грубое применение закона.

Идея человечности, как смирения и милости, поэтически выражена в итоговом стихотворении "Памятник", охватывает все творчество поэта. Она ярко выражена в одном из первых лицейских стихотворений Пушкина: "Воспоминания в Царском Селе" 1814 года, где после поэтического описания причиненных врагом испытаний и гибели победителя "памятью незлобны":

... "В Париже росс: Где факел мщенья?
Поникни, Галлия, главой.
Но что я вижу? Росс с улыбкой примиренья
Грядет с оливою златой.
Еще военный гром грохочет в отдаленье,

Москва в уныньи, как степь в полнощной мгле,
А он - несет врагу не гибель, но спасенье
И благотворный мир земле."

Поэтический образ смирения, милости, прощения, а также понимания и приятия чужой, возможно противоположной позиции с точки зрения необыкновенной, возвышенной, одухотворенной "плоскости", основывающейся в конечном счете утопически в духе христианства является единственно возможным способом разрешения конфликтных ситуаций, формировавшихся в "низкой", обыденной, повседневной плоскости жизни. Примеров много для этого в творчестве Пушкина, достаточно указать только на стихотворения, связанные с образом Петра I: "Стансы" /1826/ и "Пир Петра Первого" /1835/. Без учета такого рода христианского утопизма нельзя по-настоящему воспринять всю глубину на первый взгляд такого простого "однолинейного" свободолюбивого стихотворения "на случай", как "Во глубине сибирских руд" /1827/, или "Пущину" /1826/.

Пушкинская идея, быть может, лучше, чем во всех приведенных примерах, выражается в "Ангеле" /1827/, где один из участников лирического конфликта "дух отрицанья, дух сомненья" "демон мрачный и мятежный" впервые в мировой литературе, приобретая пушкинскую способность смотреть на мир и явления не исключительно однообразно, не исключительно согласно однолинейной плоскости запрограммированной статичности закрытого образа "зла" - открывается, развивается, пополняется, - обогащается в результате своей способности к умилению и к изменению. Между двумя началами, кажущимися первоначально взаимоисключающими, в результате взаимного сближения /т.е. "кротости" ангела и "невольного умиленья" демона/ обнаруживается момент интегрирующей целостности, качественно и по своему онтологизму коренным образом отличающийся от исходного, вне-текстового, предтекстового положения. Онтологическое значение данного стихотворения, заканчивающегося словами демона:

"Прости, - он рек, - тебя я видел,

И ты недаром мне сиял:

Не все я в небе ненавидел,

Не все я в мире презирал", - можно сформулировать

следующими словами: предполагаемое предтекстовое отрицание со стороны демона должно было бы быть тотальным, абсолютным - ведь отрицания и сомнения демона всегда касаются всего мироздания, вернее сотворенного богом мира и миропорядка. Но и отрицающее начало и здесь оказывается не абсолютным, частичным: об этом демон узнает по сиянию ангела в дверях эдема. Но самое важное при этом, что это сияние не торжествующее самоутверждение со стороны ангела, представителя высшего начала творения, а кроткое, очень человеческое, даже невольное и передающее страдание. В этом жесте "нежного ангела" отрицающее начало не может не осознать нечто свойственное самому себе, и обогащаясь своим открытием и познанием, приближаясь к противоположному началу, дает ход их взаимному частичному отражению друг в друге, их частичному осознанию себя в другом и обратно. Другими словами, это значит, что вооружаясь возвышенным, открытым пушкинским миропониманием, нельзя не признать, что в созданном Творцом мире вопреки всем трудностям, сложностям и испытаниям, уготованным человеку, можно и стоит жить, и пушкинские произведения способны восстановить кажущееся нарушенным и потерянным чувство осмысленности и "обеспеченности" бытия.

В другом пушкинском стихотворении 1827 года "В Сибирь", в этом безусловно "чуде искусства", часто трактуемом тенденциозно и однолинейно-упрощенно, свобода и рабство противопоставлены друг другу не менее непримиримо, чем жизнеутверждающее и отрицающее начало только что рассмотренного стихотворения. Свобода - это элементарная потребность человека культуры, как воздух, как солнце и небо - сочетается с "дум высоким стремленьем", надеждой и самыми элементарными категориями положительного качества: с бодростью, весельем, радостью, а также любовью и дружеством - самыми положительными и близкими Пушкину поня-

тиями. На стороне "свободы" все положительное, возвышенно-человеческое. Не случайно, а по внутренней логике стихотворения символ неестественного ограничения самых естественных проявлений человека культуры, рушащий человеческие контакты - тюрьма /темница/ должна рухнуть, и это возвышенно-замечательное событие не больше, чем самое естественное восстановление нарушенной мировой /и естественной и оценочной/ гармонии и полноты жизни, при котором праздник свободы переходит в праздник радости, и осуществляется долговечная мечта человечества: люди друг другу будут братьями. Маленькое стихотворение приобретает одическое звучание, своим словоупотреблением напоминая известную "Оду радости" Шиллера: "Alle Menschen werden Brüder..."

На основании вышесказанного о значении в поэтической и оценочной системе Пушкина смирения, прощения и милости, а также на основании известного высказывания Достоевского о Пушкине, о его "способности всемирной отзывчивости" пушкинскую рецензию на книгу итальянского писателя Сильвио Пеллико "Об обязанностях человека".

Близость Пушкина к идее книги Пеллико выражается его высокой оценкой, восхищением книгой, выраженными в рецензии. Важность книги итальянского писателя подтверждается тем, что свою рецензию на книгу Пеллико Пушкин опубликовал в 1836 году, в третьем томе своего "Современника", и таким образом рецензия вышла раньше самой рецензированной книги, вышедшей только в начале 1837 года. Отрецензированная Пушкиным книга была вторым русским переводом книги Пеллико; перевод был сделан С.Н. Дириним. "Об обязанностях человека" Пеллико вышла в оригинале в 1834 году, была переведена на русский язык Н. Хрустальевым и издана в 1835 году.

Сильвио Пеллико - вместе с Алессандро Манцони и Томмасо Гроси - является одним из "обращенцев", представителем культуры религии и церкви, проповеди смирения и покорности /1789--1854/. В ранней молодости Пеллико был сторонником французских энциклопедистов, сенсуалистом и эпикурейцем². В одном из сво-

их стихотворений под названием "Вольта" Пеллико пишет о том, что известный физик на склоне лет говорил ему о смирении и отречении, что старик вернул его впервые на стезю веры. Пеллико, однако, "обратился" в тюрьме, как сам писатель пишет: "Бог по своей доброте послал ему испытание, которое изъяс его из человеческого общества, привело его окончательно к Нему"³.

Сильвио Пеллико был арестован австрийскими властями в 1820 году за участие в карбонарском движении, вместе с "миланскими заговорщиками". С. Пеллико в это время был редактором журнала "Кончилиаторе", он перевел на итальянский язык "Манфреда" Байрона и был известен как автор трагедии "Франческа Риминийская", драматической обработки известного эпизода пятой песни "Ада" дантовой "Божественной комедии". С. Пеллико вместе с другими карбонариями был приговорен к пятнадцати годам тюремного заключения, из которых он два года провел в венецианских свинцовых камерах /*piombi*/, а восемь лет на каторге в крепости Шпильберг. О своем заключении Пеллико подробно рассказал в книге "Мои темницы", вышедшей в 1830 году. В темнице он зачитывался Библией и оттуда вышел "последовательным христианином". Как справедливо отмечает историк итальянской литературы В. Фриче, "Мои темницы" - исповедь души, обратившейся к Богу"⁴.

Как явно выступает из пушкинской рецензии на книгу С. Пеллико, русского поэта поражает и привлекает в произведении итальянского писателя дух кротости и христианского смирения, - потому и Пушкин сравнивает книгу Пеллико с Евангелием. Кроме ярко выраженной кротости и смирения, по мысли Пушкина, выраженной в рецензии, книга Пеллико близка ему по обстоятельствам и условиям создания /аналогичные исторические испытания и судьбы/, а также по ярко выраженной, подчеркнутой в рецензии авторской, творческой независимости: Пушкин решительно в ряде произведений отвергает "заказ толпы", отстаивая свою независимость, и в своей рецензии на книгу Пеллико он готов оценить ту же независимость у своего "собрата"-писателя. Пушкин пишет "Об

обязанностях человека" "Сочинении Сильвио Пеллико":

"На днях выйдет из печати новый перевод книги "Dei doveri degli uomini", сочинения славного Сильвио Пеллико...

... И не все, собираясь сказать несколько слов о книге кроткого страдальца, дерзнули мы упомянуть о божественном Евангелии: мало было избранных /даже между первоначальными пастырями церкви/, которые бы в своих творениях приближались кротостью духа, сладостью красноречия и младенческой простотой сердца к проповеди небесного учителя.

В позднейшие времена неизвестный творец книги "О подражании Иисусу Христу", Фенелон и Сильвио Пеллико в высшей степени принадлежат к сим избранным, которых ангел господний приветствовал именем человеков благоволения.

Сильвио Пеллико десять лет провел в разных темницах и, получа свободу, издал свои записки. Изумление было всеобщее: ждали жалоб, напитанных горечью, прочли умилительные размышления, исполненные ясного спокойствия, любви и доброжелательства.

Признаемся в нашем суетном зломыслии. Читая сии записки, где ни разу не вырывается из-под пера несчастного узника выражение нетерпения, упрека или ненависти, мы невольно предполагали скрытое намерение в этой ненарушимой благосклонности во всем и ко всему; эта умеренность казалась нам искусством. И, восхищаясь писателем, мы укоряли человека в неискренности. Книга "Dei doveri" устыдила нас и разрешила нам тайну прекрасной души, тайну человека-христианина.

Сказав, какую книгу напомнило нам сочинение Сильвио Пеллико, мы ничего более не можем и не должны прибавить к похвале нашей"⁵.

Пушкин написал эту рецензию в последний год своей жизни, когда по свидетельству других рецензий, статей и собственно художественных произведений /имею в виду пушкинскую рецензию на "Словарь о святых прославленных в российской церкви и о некоторых сподвижниках благочестия местно-чтимы 1836 г.", а также его знаменитый, т. наз. "каменноостровский цикл" его стихотворений 1836 г./ его интерес к религиозной проблематике возрастает,

Но Пушкин вместе со своим возросшим интересом к вере и религии никогда не становится поэтом, "обратившимся" к вере, как об этом можно говорить в случае вышеупомянутых итальянских писателей-современников. Религия, религии других народов, сохранившиеся в величайших культурных книгах человечества, в Ветхом и Новом Завете, в Коране и т.п., ставшие всеобщим культурным достоянием всего человечества, стали источником, возвышенным материалом для индивидуального поэтического творчества гениального Пушкина.

Литература

1. См. об этом капитальный труд проф. Этторе ло Гатто. *Ettore Lo Gatto : "Russi in Italia"*. Editori Riuniti, Roma, 1971.
2. В. Фриче. *Итальянская литература XIX века. Часть первая.* М., 1916, с. 80.
3. Ук. соч., там же.
4. Ук. соч., с. 81.
5. А.С. Пушкин. *Полное собрание сочинений в десяти томах. Том седьмой.* М., 1958, с. 470--471.